

С тех пор, как она в последний раз чувствовала, что видит сон, прошло уже около недели.

В один из дней, проснувшись от голода во второй половине дня, она широко открыла глаза и оглядела комнату, обставленную мебелью из красного дерева. В позвешенной курильнице висел тонкий дымок благовоний, а узор из синих птиц на нефритовой ширме мягко мерцал.

Она оперелась о край кровати, медленно выпрямилась и уже собиралась встать, чтобы налить себе чашку воды и успокоить нервы,

как её мозг мгновенно завис, словно запущенная на полскорости слайд-презентация.

Ошеломленная, она ступила на персидский ковёр, сотканный с добавлением золотых нитей, и едва не выронила из рук чайную чашку.

Взглянув на огромную резную кровать с балдахином и с узорами из переплетенных стеблей лотоса, на которой спала, и которая была шириной по меньшей мере на двоих,

она так сильно заволновалась, что фарфоровая чашка в её руке со звоном рухнула на пол.

Её взгляд метался туда-сюда по комнате, осматривая мебель из сандала и желтой грушевой древесины.

Хотя она не особо разбиралась в породах дерева, красный сандал она всё же знала, а уж цзытань — тем более, ведь его не зря называют королем древесины.

Невольно сглотнув слюну, она подумала только об одном: неужели это несметное богатство наконец-то досталось ей?

С того дня прошло ровно семь дней — как раз достаточно, чтобы она успела составить свод правил выживания попаданки.

За это короткое время она в совершенстве овладела следующими навыками: лёгким движением пальцев касаться виска, морща лоб ровно настолько, насколько полагается;

полуприподнявшись на кровати, с абсолютной точностью рассчитывать силу, с которой пальцы сжимают манжету;

более того, её кашель теперь чётко делился на категории: при общении с личной служанкой это было лёгкое дрожание губ, сдерживаемое платком;

а перед старшими родственниками оно превращалось в приглушённое, слабое дыхание с

прикрытым ртом, в завершение которого следовало невесомо коснуться кончиками пальцев висков,

сопроводив всё это фразой: Бабушка, сегодня с ума опять ужасно кружится... — и не успевали затихнуть слова, как в уголках её глаз ровно в нужный момент проступал болезненный, трогательный румянец.

После стольких тренировок она не могла не отдать должное своим глазам:

когда она поднимала взгляд, полный обиды, в них застигалась туманная дымка слез, и любой, кто взглянул бы на неё, непременно выдохнул бы: до чего же жалостливая и хрупкая красавица!

По десятибалльной шкале она поставила бы себе восемь с половиной, потому что сама от себя немного впадала в ступор.

Раньше Жуань Ичу больше всего на свете не любила изображать неженку и прикидываться этакой зелёной чайкой, но, с другой стороны,

ощущать себя болезненной красавицей оказалось даже неплохо.

В конце концов, чтобы добиться успеха, нужно сначала сойти с ума; да и если подумать, в этом незнакомом мире актёрское мастерство — лучший залог выживания.

Вот и сейчас, полулежа на кровати, сложив руки на парчовом одеяле и наивно хлопая большими влажными глазами, она послушно пила женьшеневый суп, который ей подносила женщина в роскошных одеждах.

— Жоу-эр, у тебя что-то болит?

Женщина опустила пиалу и с нежностью погладила её по голове, всё ещё тревожась за внучку; её нефритовый браслет издал мелодичный звон, когда она подняла руку.

Жуань Ичу заворуженно уставилась на этот зелёный отблеск, внезапно вспомнив, как на прошлой неделе жаловалась лучшей подруге: до чего же раздражающе звенят браслеты в исторических сериалах! Сейчас же она могла лишь мысленно взвыть: она начинает ненавидеть богачей!

Её взгляд скользнул по манжетам женщины, где шелковыми нитями шуйского шёлка были вышиты парные цветы лотоса, и ей вдруг отчаянно захотелось обеими руками схватить собеседницу за руки и проникновенно спросить: Тетя, в вашем доме не нужны служанки, умеющие делать дизайн? Такие, которые могут заменить черепицу из глазурованной глины на звукоизоляционный материал?

Конечно, эти мысли крутились исключительно в её голове.

Ведь ей, нынешней, даже чтобы сказать «я хочу есть», приходилось выражаться витиевато: «Что-то у меня аппетита нет, утрудитесь принести немного жидкой рисовой каши, благодарю».

У неё просто не хватило бы бесстыдства произнести вслух столь бессовестные слова.

Когда женьшеневый суп подошел к концу, Жуань Ичу внезапно сникла, словно побитый морозцем баклажан, свернулась калачиком, зарылась поглубже в одеяло и вытянула его так, что наружу выглядывали лишь глаза, а руками она судорожно сжимала пододеяльник.

Глядя на добродушное лицо женщины, она ломала голову над тем, как же помягче выразить своё непреодолимое нежелание пить этот женьшеневый суп.

Самое главное — она пила его уже целую неделю, он был горьким и вязущим на вкус, в общем, та еще гадость.

Истинно подходило выражение: дикая свинья не привыкла к изысканному корму.

К тому же, при лечебном питании больше всего боятся того, что ослабленный организм не сможет усвоить лекарство. Если она продолжит его пить, то и вправду вознесется на небеса прямо отсюда.

Подобрав нужные слова и выражения, она заговорила:

— Бабушка, этот женьшеневый суп такой согревающий, пить его даже приятнее, чем укутываться в парчовое одеяло...

Она невинно хлопала ресницами, а её взгляд скользнул к оседшим на дно фарфоровой пиалы кусочкам женьшеня, отчего на кончике языка невольно возникла горечь.

— Просто... вчера мне приснился какой-то старец, и он сказал, что моё тело слишком слабо, и сильные тонизирующие средства только замедлят выздоровление.

С этими словами она перевернулась на бок и еще глубже зарылась в одеяло, оставив снаружи лишь одно покрасневшее ухо.

— Может... пусть на кухне сварят кашу из креветок и грибов кинко, она такая легкая...

Госпожа Жуань тихо рассмеялась, не став разоблачать эту неуклюжую ложь, и легко постучала её по кончику носа:

— Как скажешь.

Она знаком велела служанке убрать пиалу:

— Ступай на малую кухню, приготовь всё так, как сказала барышня.

Служанка ответила и удалилась.

Жуань Ичу с очаровательным смущением высунула голову из-под одеяла — от прежнего болезненного вида не осталось и следа. Она ухватила бабушку за руку и слегка потрясла её:

— Бабушка любит меня больше всех!

Глядя на то, как при этих словах глаза Жуань Ичу засияли еще ярче, госпожа Жуань протянула руку и погладила её по растрёпанным прядям со всей материнской нежностью:

— Ах ты, плутовка...

Но тут же сменила тон, вспомнив еще кое о чем:

— Кстати, вчера матушка Чжан говорила, что ты снова тайком читала романы до полуночи?

Жуань Ичу зачастила, одновременно кивая и мотая головой, так что её голова заходила из стороны в сторону о мягкую вышитую подушку, словно погремушка. Рука из-под одеяла легла поверх руки госпожи Жуань, и она послушно принялась оправдываться:

— Ничего подобного!

Кивала она потому, что знала: завтрашнего успокаивающего отвара ей всё равно не избежать, а мотала головой потому, что разве могла она признаться бабушке, будто посреди ночи поднимала своё болезненное тело, чтобы читать книги и изучать историю этого мира?

Конечно же, нет, поэтому она поспешила всё отрицать:

— Наверное... наверное, мне приснилось, будто я гуляю по книжной лавке!

Теребя пальцами узор из парных лотосов на манжете госпожи Жуань и внезапно вспомнив описанную в книгах технику ткачества шуйского шелка, она поспешила сменить тему:

— Только посмотрите, как живо вышит этот лотос, в нем даже больше духовной энергии, чем в

настоящем цветке! Это новая искусная мастерица, которую наняла вышивальня?

Разве могла госпожа Жуань не заметить, как внучка пытается замять разговор? Но её сердце смягчилось, и допрашивать дальше она не стала. Поднявшись, она аккуратно прикрыла створки окна и с улыбкой произнесла:

— Ладно, отдыхай. Раз уж твоё здоровье немного поправилось, нужно как следует выспаться, а бабушка пойдет навестит твою матушку.

Увидев, что госпожа Жуань не стала углубляться в расспросы, Жуань Ичу торопливо закивала в знак согласия. Но когда госпожа Жуань повернулась, чтобы уйти, она вдруг вспомнила принятый в знатных домах древности ритуал утренних и вечерних приветствий.

Она поспешно оперлась на локти, собираясь приподняться и проводить её, но госпожа Жуань обернулась и строго прикрикнула:

— Лежи смирно! Еще раз пошевелинешься — велю влить в тебя три пиалы женьшеневого супа.

Эта угроза заставила её мгновенно нырнуть обратно под одеяло и натянуть его до самого подбородка, оставив снаружи лишь пару глаз, глядящих на бабушку.

— Поняла, бабушка, иди помедленнее.

Дойдя до дверей, госпожа Жуань повернула назад и сунула ей в руки грелку, которую держала за пазухой:

— Обними, погрейся, не застудись.

Жуань Ичу сначала хотела отказаться, но, увидев ласковое лицо госпожи Жуань, проглотила слова отказа:

— Спасибо, бабушка.

<http://bllate.org/book/20994/2133901>